TY-19-241-82

08-3-035

Когда я его увидел, он сидел на заборе.Такой большущий, как телевизор. И весь-весь тёмный. На голове гребень. Красный и большой. И борода у него тоже была очень красной.

Я прямо засмотрелся на такого красавца. Мне захотелось с ним подружиться,

и я пошёл к нему. А он вдруг раскрыл клюв да как кукарекнет, да как замашет крыльями, да как полетит!

Я и крикнуть не успел, как он запрыгнул на меня. Клюёт, крыльями бьёт,

а я бегу. Хорошо, что прибежал к бабушке Оле. Она схватила полотенце: «Кыш, нечистая сила! Хулиган проклятый!» 6

А петух даже не испугался. Посмотрел сердито на бабушку, постоял-постоял и пошёл своими важными шагами на улицу.

Теперь я во двор не выхожу. И вообще никуда не выхожу. Сижу у раскрытого окна, смотрю на деревья и кусты. В

Однажды пришла к нам соседка тётя Нюра. Бабушка ей и говорит: «Ты, Нюра, зарежь своего Петьку. Что ж такое получается! Внук отдыхать приехал, а из-за твоего Петьки будет всё лето сидеть в доме!»

«Да как же это»,—заплакала тётя Нюра. «Да ты другого заведи. Посмирнее»,—говорит бабушка. «Другого... Забыли, тётя Оля, как в прошлом году у нас пристройка загорелась! 10

Ночью случилось. А Петька как закричит—мы и выскочили».

«Ну, уж не знаю. А только придётся мне идти в милицию».—«Бабушка пойдёт,—подумал я, —пожалуется—и Петьку в милицию отведут. Судить. И тётю Нюру тоже, потому что она его хозяйка. А ведь этот Петька…»

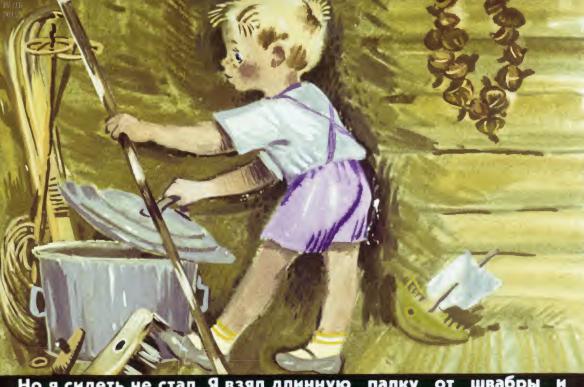
Тут я подошёл к тёте Нюре и сказал: «Тётя Нюра, можно я вашего Петьку поколочу? Чтобы он больше меня не трогал».

«Милый ты мой! Головушка золотая!—закричала тётя Нюра.—Да поколоти ты этого ирода! Только как тут быть! Ведь он в руки не даётся».

«Я на него, тётя Нюра, с саблей…»—«Сидел бы уж… Аникавоин»,—сказала бабушка.

Но я сидеть не стал. Я взял длинную палку от швабры и крышку от стирального бака. Из крышки получился хороший щит.

Тётя Нюра принесла мне мотоциклетный шлем с очками и длинные перчатки. Шлем оказался очень большой, поэтому я надел только очки.

ку. «Ну, Петька, теперь берегись!»—сказала тётя

Я вышел на крыльцо. Я думал, что Петька уже давно забыл про меня, что, может, и драться с ним уже совсем не надо. [9]

Но только сошёл с крыльца, смотрю —Петька на заборе. «Сейчас же иди в дом!»—кричит бабушка Оля. «Не бойся, бабушка»,—сказал я и потихоньку пошёл к забору.

Петька взмахнул крыльями, кукарекнул и бросился мне на голову. Он думал вцепиться, а у него ничего не вышло. Ведь у меня на голове был шлем!

Он очень рассердился, закричал и снова прыгнул на меня. Я подставил щит—и Петька опять упал на землю. Он оказался очень смелым. Он всё нападал и не собирался сдаваться.

А саблей я всё время промахивался, всё по воздуху попадал, потому что вдруг попаду по Петькиной голове?! А ведь Петьке голова ещё пригодится!

И вот мы оба с ним здорово устали. У меня ноги прямо сами стали сгибаться, и мне очень захотелось посидеть. Я бы даже сейчас с удовольствием и полежал, если бы на меня никто не запрыгивал и никто не клевал.

И вдруг оказалось, что Петька устал сильнее. Он взлетел на забор, хотел кукарекнуть, не смог и свалился к себе в огород.

Я подошёл к забору и стал смотреть на Петьку. Теперь я его не боялся, потому что я его победил.

Я сказал ему: «Петька, вставай! Не лежи на сырой землепростудишься! А я драться больше не буду, ладно! Вот, смотри!»

Я размахнулся саблей и забросил её в кусты.

Петька всё лежал. «Ну, вставай, Петя,—говорю.—Ведь ты живой, я вижу. Ты просто очень устал. И я тоже. Зато тебя теперь судить не будут. И мы с тобой подружимся».

Петька встал на ноги. Он посмотрел на меня так, что я сразу спрятался за щит. Хорошо ещё щит не выбросил.

С тех пор Петька на меня не нападает. Только, если я подойду к забору, он начинает хлопать крыльями и готовится к бою. Глупый всё-таки он. Ведь я подхожу, чтобы послушать, как здорово он кукарекает.

